

УДК 1 (091)

DOI: 10.34670/AR.2024.13.93.003

Метафизические истоки правового нигилизма Н.А. Бердяева**Фивейская Людмила Владимировна**

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2-а;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются правовые и политические идеи Н.А. Бердяева в их связи с основными принципами его метафизики, анализируется понятие идеального права в его соотношении и различии с законом, показывается оценка Н.А. Бердяевым права и государства в их социальной обыденности. Базовыми метафизическими принципами, обосновывающими его правопонимание и отношение к государству, являются идея объективации, идея несотворенной свободы и идея центрального и верховного значения личности. Государство и позитивный закон Бердяев трактует как феномены социальной объективации, искажающие подлинную реальность, порабощающие и калечащие человеческую личность. Подлинное, «идеальное» право имеет не государственную, а божественную природу и, по существу, выражает основные права человека: свободу духа, свободу совести, свободу мысли и слова, право на жизнь и человеческое достоинство. Право и закон соотносимы только внешним образом: позитивный закон оправдан в той мере, в которой он охраняет человека от деструктивных посягательств на его жизнь и свободу со стороны его социального окружения. Государство не может иметь идеальной формы и должно быть преодолено, поскольку подлинное общение исключает всякую власть человека над человеком. Политика всегда лжива, но в объективированном мире государство имеет свою положительную сторону, сообщая силу охранительной функции закона. Политико-правовой нигилизм Н.А. Бердяева, таким образом, не приводит его к анархизму, но ставит право и государство в подчиненное положение по отношению к личности.

Для цитирования в научных исследованиях

Фивейская Л.В. Метафизические истоки правового нигилизма Н.А. Бердяева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 28-36. DOI: 10.34670/AR.2024.13.93.003

Ключевые слова

Бердяев Н.А., философия права, право, закон, права человека, свобода, правовой нигилизм, анархизм.

Введение

«Менее всего я собираюсь писать систему социальной философии. Время таких систем прошло уже» [Бердяев, 1923, 7], – заявляет свою позицию Н.А. Бердяев в первом из четырнадцати писем, объединенных под общим названием «Философия неравенства», в которых он, тем не менее, хочет, по его собственным словам, подвести итог «всем мыслям моим по социальной философии» [там же, 5]. Действительно, в философских и публицистических произведениях Н.А. Бердяева, написанных до и после «Философии неравенства»¹, социальная проблематика представлена многопланово, включая в том числе вопросы права и государства, а также категориальный анализ базовых философско-правовых понятий свободы, равенства и справедливости. Верно и то, что высказанные в этом отношении идеи не составляют единого систематического учения, как, например, в гегелевской философии права или, обращаясь к отечественной традиции, в политико-правовой концепции Вл. Соловьева. Более того, Н.А. Бердяев, как неоднократно отмечалось и современниками, и более поздними исследователями его творчества, часто непоследователен и противоречив в выражении своей мысли. Тому есть ряд причин, на некоторые из них указывал сам Н.А. Бердяев, и которые, несомненно, надо учитывать при работе с его текстами, иначе не избежать ошибочных абсолютизаций в их интерпретации.

Во-первых, это эволюция его собственных взглядов от увлечения марксизмом, в котором его «более всего пленил историософический размах, широта мировых перспектив», но в который он, по его собственным словам, «никогда вместиться не мог» [Бердяев, 1991, 120], к религиозной философии, «которая была вполне осознана и выражена лишь в книге "Смысл творчества"» [там же, 161]. Второе – это особенности его собственного философствования, как в отношении «многопланности» его мировоззрения, которую отмечал сам Н.А. Бердяев, так и в отношении склонности «мыслить антиномически, парадоксально и иррационально», отчего, как он пишет, «я всегда имел впечатление, что меня не понимают» [там же, 279]. Интерпретация текстов Н.А. Бердяева требует поэтому особой осторожности, иначе, по словам профессора А.П. Герасименко, «впадая в соблазн договорить за него, рискуешь сказать что-нибудь совсем не то, что хотел высказать в свое время он сам» [Герасименко, 2020, 19]. Наконец, и это особенно важно при рассмотрении идей социального плана в философии Н.А. Бердяева, следует иметь в виду двойственность позиции автора в выражении своих идей и оценочных суждений. Отношение Н.А. Бердяева к текущим политическим процессам – это одно, здесь его оценки и высказывания могут меняться в зависимости от актуальной политической обстановки, а порой и от настроения. Другое – это его философская позиция, здесь его базовые идеи, даже при всей их парадоксальности и иррациональности, достаточно последовательны. Н.А. Бердяев сам неоднократно переосмысливал и критически высказывался в отношении собственных взглядов. Так, например, в «Самопознании» читаем: «В самом начале 18-го года я написал книгу «Философия неравенства», которую не люблю, считаю во многом несправедливой, и которая не выражает по-настоящему моей мысли» [Бердяев, 1991, 224]. Высказанные в этой книге мысли, прежде всего о государстве, его статусе и предназначении, действительно диссонируют с поздними и более зрелыми идеями социальной философии Н.А. Бердяева. Сам он там же объясняет негативное отношение к собственной работе ее чрезмерной эмоциональностью,

¹ Написана в 1918 в Советской России, впервые опубликован в 1923 году в Берлине.

отражающей «бурную реакцию против тех дней», вместе с тем отмечая, что даже тогда «остался верен моей любви к свободе», и уже сейчас (на момент написания «Самопознания») разделяет высказанную в письмах «Философии неравенства» мысль о том, что «равенство есть метафизически пустая идея» [там же]. Следует поэтому с осторожностью относиться к политическим высказываниям Н.А. Бердяева, строить на их основе обобщения теоретического и уж тем более философского плана. Так бывает, и это ошибочный путь. Тогда Н.А. Бердяев предстает, например, сторонником «сильного государства», «закона, который есть признаваемое им и претворенное в жизнь право» [Дендиберя, 2015, 30], что на самом деле, если формально и отражает его политическое устроение в определенное время и текстуально может быть подтверждено ссылкой на первоисточник, но имеет отношение к иному срезу его «многопланного» мышления и носит преходящий характер.

В статье предпринята попытка рассмотреть правовые идеи Н.А. Бердяева, определить его отношение к праву и государству, основываясь по преимуществу на принципах его метафизики и сознательно дистанцируясь от его политических высказываний и оценок.

Метафизические основы понимания социального у Н.А. Бердяева

Н.А. Бердяев характеризует свое философское мирозерцание как «чрезвычайно централизованное», все части которого связаны между собой, а вернее, замечает он, «в нем нет частей» [Бердяев, 1991, 277]. Творчество его многопланово и тематически предзадано в каждом конкретном произведении, но особенное содержание его мысли всегда вписано в целостную философскую парадигму и раскрывается на основе единых, имеющих принципиальное для всей его метафизики идей, вне которых оно не может быть должным образом понято и интерпретировано. Это справедливо и для его размышлений об обществе вообще, о праве и государстве, их сущности, соотношении и предназначении. Трудно согласиться с утверждением, что, «судя по публикациям, проблематикой государства и права Бердяев специально не интересовался» [Герасименко, 2020, 14]. Отдельного политико-правового учения, как части философской системы, у него действительно нет, как, впрочем, нет и самой системы в классическом понимании. Но интерес есть, и не только политически мотивированный, но и вполне оправданный метафизически.

Подводя итоги своей «окончательной философии», Н.А. Бердяев указывает на сформировавшиеся в ней основные идеи, на которых он строит свое учение. Это – идея объективации, идея несотворенной свободы и главная для персонализма идея центрального и верховного значения личности. Очевидно, что в силу своего предмета две последние имеют прямое отношение к тому способу правопонимания, который мы обнаруживаем в философии Н.А. Бердяева. Идея объективации, в свою очередь, объясняет его понимание общества в целом, философское осмысление его истории и оценку социальных институтов.

Объективация, идея, которую сам Н.А. Бердяев считает для своей философии основной, объясняет существующее как продукт деятельности субъекта. «Я не верю, – пишет он, – в твердость и прочность так называемого «объективного» мира, мира природы и истории» [Бердяев, 1991, 277]. Объективированный мир есть лишь преходящее, изменяющееся в зависимости от направленности духа состояние подлинной реальности. Экзистенциален только субъект, и «мир подлинно существует в необъективированном субъекте» [там же]. Общество – такой же продукт объективации, как и природа, необходимый, но не подлинный способ выхода человека из замкнутой субъективности.

Свобода – идея настолько для Н.А. Бердяева исключительная, что в одной из последних своих работ он скажет: «Я основал свое дело на свободе» [Бердяев, Экзистенциальная диалектика..., 1993, 254]. Он понимает свободу в духе апофатического богословия как беспредпосылочное начало, «она вкоренена в Ничто, в Ungrund'e, первична и безначальна» [Бердяев, О назначении человека, 1993, 39]. Свобода не дана человеку Богом, сам человек есть «дитя Божье и дитя свободы – ничто, небытия, меона» [там же], поэтому свобода человека абсолютна, он свободен и перед Богом. Несотворенный характер свободы позволяет Н.А. Бердяеву объяснить столь важный для него творческий потенциал человека, творческую новизну, выведение в мир не бывшего в нем прежде. Несотворенную свободу, считает Н.А. Бердяев, в силу ее абсолютной иррациональности нельзя рационально выразить в понятии. Но применительно к человеку «наиболее общее определение свободы, обнимающее все частные определения, заключается в том, что свобода есть определение человека не извне, а изнутри, из духа. Духовное начало в человеке есть истинная свобода» [Бердяев, 1951, 92].

Верховенство личности – принцип, определяющий положение человека в мире. Для Н.А. Бердяева «личность есть микрокосм, целый универсум» [Бердяев, О назначении человека, 1993, 20]. Но личность не есть замкнутая в себе монада, она должна преодолеть свою субъективность. «Личность не может оставаться замкнутой в себе, она должна выходить к другому, к другим людям, к обществу, к космосу, к Богу» [Бердяев, 1937, 319]. Согласно Н.А. Бердяеву, человек имеет двойную, но вместе с тем целостную природу, он центрирует в себе объективацию и свободу. Преодоление субъективности для него возможно поэтому двояким образом. Один – выход из субъективности посредством объективации, в объектный мир, в общество. Это ложный путь. Как член общества, как индивид личность теряет себя, становясь частью социального целого. Второй – трансцендирование, выход из субъективности не к объективному, а к транссубъективному. Именно так «происходят экзистенциальные встречи с Богом, с другим человеком, с внутренним существованием мира» [Бердяев, 1939, 27]. На этом пути он видит и формирования подлинного общения.

Н.А. Бердяев строит своего рода экзистенциальную диалектику социального. Личность – «я» у него необходимо предполагает другие личности – «ты» и сообщество личностей – «мы». В отношениях этой триады раскрывается содержание и экзистенциальный смысл человеческого общения и общества. Общение людей состоит не в простом взаимодействии обособленных личностей, «общение "я" с другими происходит в "мы"» [там же, 88]. Это «мы» у Н.А. Бердяева, с одной стороны, не является абстракцией, оно реально существует, с другой – «мы» не самоотно, оно «не есть коллективный субъект или субстанция» [там же], «мы» производно от «я», возникает и существует в процессе его социального трансцендирования. Таким образом личность – «я» в социальном взаимодействии общается не только с другой личностью – «ты», но и с «мы». Центр социального общения всегда коренится в «я», из которого исходит отношение к «ты» и к «мы», личность есть единственный источник экзистенциальной социальной действительности. Такое «мы» Н.А. Бердяев определяет как общность, общение, община – *communauté*. Он противопоставляет ему «общество» как объективную реальность, претендующее на первичность в отношении человека, включающее человека как часть коллективного целого, поглощающего и подчиняющего личность. Такое общество есть не трансценденция, а объективация, в нем человек выходит из субъективности не в транссубъективное «мы», а обнаруживает себя выброшенным в объективированное «мы». «Человек живет как бы в социальном гипнозе» [Бердяев, 1939, 87], в рабстве у «общего», которое на самом деле есть «иллюзия объективации».

Н.А. Бердяев о праве и государстве

Посмотрим теперь, как метафизические идеи Н.А. Бердяева преломляются в его размышлениях о праве и государстве.

Следует сразу сказать, что право у Н.А. Бердяева имеет религиозную природу, это единственное право, которое он считает подлинным. Совершенно справедливо утверждение, что в этом контексте «изречения Бердяева выдержаны в религиозных тонах, поэтому его политико-правовое учение – это никак не теория государства и права и даже не столько философия права, сколько религиозная метафизика права» [Герасименко, 2020, 18]. Генезис подлинного права восходит не к государству, а к Богу: «Я говорю о праве как абсолютной правде и справедливости, о внегосударственном и надгосударственном праве, заложенном в глубине нашего существа, о праве, отражающем Божественность нашей природы» [Бердяев, 1990, 290]. Подлинное право, по Н.А. Бердяеву, выражено в абсолютных и неотчуждаемых правах человека как свободного духовного существа. Он нигде не приводит исчерпывающий перечень этих прав, не составляет, как это принято сейчас, систематизированный каталог прав человека. Он говорит в общем о правах личности, о свободе духа, свободе совести, свободе мысли и слова, о достоинстве человека, о высших ценностях жизни. Вместе с тем Н.А. Бердяев проявляет интерес к теоретическому осмыслению проблемы прав человека в естественно-правовых доктринах, к эволюции и закреплению прав человека в правовой практике. При этом важно, что для него права человека имеют не только вне- и надгосударственный характер, но и внечеловеческую природу, не зависят от случайной воли людей. «Только абсолютный, внегосударственный и внечеловеческий источник прав человека делает эти права безусловными и неотъемлемыми» [там же, 288]. Для него также неприемлема трактовка прав человека в учении о естественном праве, которое, хоть и отделяет их от прав политических, устанавливаемых государством, но ошибочно выводит из природы, тогда как «это духовные права, а не естественные права, природа никаких прав не устанавливает» [Бердяев, 1951, 51]. Единственный источник права – Бог, поэтому «декларация прав Бога и декларация прав человека есть одна и та же декларация» [Бердяев, 1990, 289].

Подлинное или, как он его иногда называет, «идеальное» право Н.А. Бердяев противопоставляет праву государства, которое он чаще называет законом или законностью. Право и закон по своей сути противоположны, они относятся к разным состояниям мира. Закон принадлежит миру социальной обыденности, есть феномен и своего рода инструмент социальной объективации. Закон противен персоналистическому принципу. Если право есть «голос Божий в личности» [там же, 291], то носителем закона личность быть не может, носителем закона является общество. Закону безразлична личность, его интересует только общее. Закон в своей формальной обязательности враждебен личной свободе. В этом, пишет Н.А. Бердяев, проявляется «тиранство закона тиранство общества над личностью» [Бердяев, О назначении человека, 1993, 91]. Надо заметить, что саму по себе обязательность Н.А. Бердяев не трактует как нечто для человека негативное. Более того, право для него необходимо сопряжено с обязанностью. Вопрос только в том, о каком понимании права идет речь. Так, противопоставляя свое понимание свободы ее либеральному правовому истолкованию, Н.А. Бердяев высказывает, на первый взгляд, парадоксальную мысль: «Свобода есть не право, а обязанность» [Бердяев, 1951, 93]. Но для него свобода вообще не есть вопрос выбора, но «сознание долга перед Богом быть свободным существом, а не рабом» [там же]. Так же обстоит дело и с правами человека, а потому «декларация прав человека и гражданина, чтобы не быть

формальной, должна быть также декларацией обязанностей человека и гражданина» [там же]. В обязательности подлинного, «идеального» права обнаруживается его имманентность человеческой личности, нерасторжимость божественного с человеческим. Обязательность государственного права есть насилие над личностью, калечащее и подавляющее ее жизнь. Поэтому, как отмечает В. С. Нерсисянц, «позитивное право у Бердяева – это всегда антиправовой закон» [Нерсисянц, 2005, 550].

Вместе с тем Н.А. Бердяев говорит о положительном для человека значении закона, не в метафизическом, конечно, плане, а применительно к пребывающему в грехе миру объективации. Пока человек обречен жить в искаженном объективацией обществе, его свобода и даже само его существование подвержено опасности. Это опасность порождена взаимодействием с другими людьми, несовпадением и столкновением их интересов. Люди несовершенны, поэтому человек в социальном общении не может полагаться на нравственные качества другого. Закон, при всем своем несовершенстве, выполняет охранительную функцию, и в этом Н.А. Бердяев видит «значение права, которое есть царство закона» [Бердяев, О назначении человека, 1993, 91]. Не следует прилагать положительную интерпретацию закона к отдельной человеческой личности, здесь его значении скорее негативно, но в общественном измерении, в человеческом общении закон необходим, поскольку он «является охраной и гарантией минимума человеческой свободы» [Бердяев, 1923, 71]. Нельзя не отметить, насколько позиция Н.А. Бердяева здесь созвучна с позицией В. С. Соловьева, для которого «право есть принудительное требование реализации определенного минимума добра» [Соловьев, 1990, 450].

Отношение Н.А. Бердяева к государству метафизически вполне определено, и это отношение негативное. В отличие от права он отрицает саму возможность совершенного государства: «Никакой идеальной формы государства быть не может, все утопии совершенного государства порочны в корне» [Бердяев, О назначении человека, 1993, 172]. Государство укоренено в объективированном мире и вне его пределов не имеет ни смысла, ни прообраза. Государство нарушает базовые принципы персоналистической метафизики: оно противно свободе, ибо всегда утверждает власть человека над человеком, оно не знает и не хочет знать личности, ибо всегда есть выражение общего, для которого внутренний мир личности закрыт, для него нет тайны индивидуального. Государство для Н.А. Бердяева – ницшеанское «холодное чудовище», которое давит человека, против которого восстает личность. Современники и более поздние исследователи творчества Н.А. Бердяева часто обвиняли его в анархизме. Так, например, один из самых авторитетных авторов отечественной философии права последних десятилетий пишет о нем: «Восхваляемая Бердяевым правда христианского персонализма (в том числе – свободы личности и ее неотчуждаемых прав), с пророческой бескомпромиссностью отрицающая земной мир зла, в ее негативном отношении к государству и закону во многом трудно отличима от анархизма и нигилизма» [Нерсисянц, 2005, 553]. В этом отношении позиция самого Н.А. Бердяева двойственна. В разное время и в разных работах он настойчиво дистанцируется от анархизма как политико-правовой доктрины. «Я не вижу никакой правды в анархии» [Бердяев, 1990, 302], – пишет он в достаточно ранней работе «Новое религиозное сознание и общественность». «Могут сказать, что моя точка зрения находится во власти анархического мифа, но это неверно. Мне чужда утопия счастливого, безгосударственного бытия» [Бердяев, 1951, 61], – это читаем уже в одном из последних, зрелых его произведений «Царство духа и царство кесаря». Существование государства оправдано для него лишь тем, что оно своей силой обеспечивает охранительную функцию права, «принудительно поддерживая минимум добра и справедливости» [Бердяев, О назначении человека, 1993, 172]. Но государство

принадлежит и имеет оправданные функции только в этом, греховном, мире, только в нем оно выносимо. У него нет перспективы в грядущем совершенном мире: «Царство Божье есть безвластие и свобода, на него не переносятся никакие категории властвования, царство Божие есть анархия» [Бердяев, 1939, 123]. Во взглядах Н.А. Бердяева на государство можно, конечно, найти противоречия, завышенную и даже пафосную, как, например, в «Философии неравенства», оценку его роли в обществе. Но противоречивость собственного творчества он не только не отрицал, но считал существенно присущей своей философии и в определенном смысле неустранимой, а указанную работу, как уже отмечалось, сам оценивал весьма критически. В целом же политико-правовая мысль Н.А. Бердяева предстает как «убийственное разоблачение» права и государства в их социальной обыденности с позиций персоналистической метафизики.

Заключение

Всегда непросто анализировать взгляды Н.А. Бердяева не только потому, что менялся он сам – менялся мир, в котором ему довелось жить. Он был погружен в свою эпоху, остро переживал трагические события своего времени. Рушились государства, идеологии, ценности, но в этом порой безумном калейдоскопе истории центром его философской вселенной всегда была человеческая личность. «Я представитель личности, восставшей против власти объективированного "общего", – писал он о себе. – В этом пафос моей жизни» [Бердяев, 1991, 280]. В этом и пафос его философии. Как бы ни менялись его политические взгляды, в своей метафизике он видел вечное, и в этом вечном не было власти, насилия, порабощения, не было никакого закона, кроме закона человеческой свободы. Разоблачение и обличение неустранимой лжи государства и закона никогда не было для Н.А. Бердяева себе довлеющей целью, но инструментом духовного вызволения человека из власти обезличенного левиафана, поглощающего его неповторимую творческую индивидуальность – единственную в этом мире подлинную ценность. Как писал Н.О. Лосский, другой русский философ, современник и друг Н.А. Бердяева, человек, испытавший на себе те же, что и он, превратности времени, «люди, подобные Бердяеву, оказывают сильную поддержку делу сохранения и развития цивилизации, которая защищает абсолютную ценность личности; и за все это – честь и хвала им!» [Лосский, 1991, 319].

Библиография

1. Бердяев Н.А. Государство // Власть и право: Из истории русской правовой мысли. Л.: Лениздат, 1990. С. 279-311.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека // О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 20-252.
3. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж: YMCA-PRESS, 1939. 222 с.
4. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии // Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. С. 19-340.
5. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Берлин: Обелискъ, 1923. 246 с.
6. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. Париж: YMCA-PRESS, 1951. 165 с.
7. Бердяев Н.А. Человеческая личность и сверхличные ценности // Современные записки. 1937. № XLIV. С. 319-332.
8. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 253-358.
9. Герасименко А.П. Философия права Н.А. Бердяева // Политика и право. Ученые записки. 2020. Выпуск 20. С. 9-45.
10. Дендиберя А.А. Идеи Н.А. Бердяева о государстве и праве // Философия права. 2015. № 4 (71). С. 28-30.
11. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991. 559 с.

12. Нерсесянц В.С. Философия права. М: Норма, 2005. 656 с.
13. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения в 2-х тт. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 47-580.

Metaphysical origins of legal nihilism of N.A. Berdyaev

Lyudmila V. Fiveiskaya

PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Philosophy and History,
Vologda Institute of Law and Economics FSIN of Russia,
160002, 2-a, Shchetinina str., Vologda, Russian Federation;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Abstract

The article reveals the political and legal ideas of N.A. Berdyaev and analyzes their connection with the basic principles of his personalistic philosophy. The teachings of N.A. Berdyaev about law and state are based on the ideas of objectification, uncreated freedom, the central and supreme significance of the human personality. N.A. Berdyaev understands the state and positive law as phenomena of social objectification that distort true reality. They depersonalize a person, enslave him. N.A. Berdyaev introduces the concept of ideal law, which has not a state, but a divine nature. Such an ideal right expresses basic human rights: freedom of spirit, freedom of conscience, freedom of thought and speech, the right to life and human dignity. He contrasts right and law. Positive law is an instrument of state coercion. At the same time, it protects a person from destructive attacks on his life and freedom from his social environment. In this N.A. Berdyaev sees its positive significance. The state, unlike the law, cannot have an ideal form and must be overcome, since true communication excludes any power of man over man. But the state, like law, has its positive side. It provides the protective function of the law. N.A. Berdyaev was often accused of being an anarchist. But this is not so, and he himself has repeatedly denied these accusations. The legal nihilism of N.A. Berdyaev does not mean an unconditional denial of law and the state, but fundamentally puts them in a position subordinate to man. This article is of interest to specialists in the field of history of philosophy, philosophy of law, theory of state and law, history of legal and political doctrines, and can also be used in the educational process.

For citation

Fiveiskaya L.V. (2023) Metafizicheskie istoki pravovogo nihilizma N.A. Berdyaeva [Metaphysical origins of legal nihilism of N.A. Berdyaev]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 28-36. DOI: 10.34670/AR.2024.13.93.003

Keywords

Berdyaev N.A., philosophy of law, law, legality, human rights, freedom, legal nihilism, anarchism.

References

1. Berdyaev N.A. (1990) Gosudarstvo [The state]. In: *Vlast' i pravo: Iz istorii russkoy pravovoy mysli* [Power and law: From the history of Russian legal thought]. Leningrad: Lenizdat Publ.
2. Berdyaev N.A. (1993) O naznachenii cheloveka [On the appointment of a person]. In: *O naznachenii cheloveka* [On the appointment of a person]. Moscow: Respublika Publ.
3. Berdyaev N.A. (1939) *O rabstve i svobode cheloveka* [Slavery and freedom]. Paris: YMCA-PRESS Publ.
4. Berdyaev N.A. (1991) Samopoznanie. Opyt filosofskoi avtobiografii [Self-knowledge: An essay in autobiography]. In: *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Leningrad: Lenizdat Publ.
5. Berdyaev N.A. (1923) *Filosofiya neravenstva* [The philosophy of inequality]. Berlin: Obelisk Publ.
6. Berdyaev N.A. (1951) *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The realm of the spirit and the kingdom of Caesar]. Paris: YMCA-PRESS Publ.
7. Berdyaev N.A. (1937) Chelovecheskaya lichnost' i sverhlichnye cennosti [Human personality and super-personal values]. *Sovremennye zapiski* [Modern notes], XLIV, pp. 319-332.
8. Berdyaev N.A. (1993) Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo [Existential dialectics of the divine and human]. In: *O naznachenii cheloveka* [On the appointment of a person]. Moscow: Respublika Publ.
9. Dendiberya A.A. (2015) Idei N.A. Berdyaeva o gosudarstve i prave [Berdyaev's ideas about state and law]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 4 (71), pp. 28-30.
10. Gerasimenko A.P. (2020) Filosofiya prava N.A. Berdyaeva [Philosophy of law N.A. Berdyaeva]. *Politika i pravo. Uchenye zapiski* [Politics and Law. Scientific notes], 20, pp. 9-45.
11. Losskii N.O. (1991) *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ.
12. Nersesyants V.S. (2005) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Norma Publ.
13. Solov'ev V.S. (1990) Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [Justification for goodness. Moral Philosophy]. In: *Soch. v 2-kh tt.* [Op. in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ. Vol 1.